

образом, становится ясным, что практически никто из этнографов-современников А. Ордынского не был так близок к бурятскому народу.

Жизнь и творчество А. Ордынского служит яркой иллюстрацией сибирско-польских культурных связей, судьба этого писателя во многом типична для представителей польской интеллигенции, оказавшихся в Сибири как в ссылке, так и по собственной воле. Они стали самозабвенными и увлеченными исследователями Сибири, патриотами Азиатской России как части Российской империи, многие из них считали Зауралье своим вторым Отечеством. Вклад А. Ордынского в изучение Сибири сконцентрирован в его литературных трудах, ныне практически совершенно не востребуемых. В связи с этим важной задачей является возвращение в русско-польскую культуру незаслуженно забытого творческого наследия А. Ордынского. Это обогатит не только этнографию и историю, позволяя воссоздать потерянный пласт сибирской литературы,

но и будет иметь большое значение для современной культуры бурятского народа, его самосознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Писатели Восточной Сибири: биобиблиогр. указатель. Иркутск: Восточносиб. кн. изд-во, 1973.
2. Хамаганов М.П. Бурятская фольклористика. Зарождение и развитие бурятской фольклористики, русско-бурятских фольклористических связей в XVIII–XIX и в начале XX в. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1962.
3. Матханова Н.П. Эпистолярные источники о журнальных проектах сибирских областников (60-е годы XIX в.) // Русское общество и литература позднего феодализма: сб. науч. тр. / отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск, 1996. Серия «Археология и этноноведение Сибири». Вып. 17. С. 134–141.
4. Черная вера, или Шаманство у монголов, и другие статьи Дорджи Банзарова / под ред. Г.Н. Потанина. СПб., 1891.

Статья поступила
в редакцию 18.03.2013

УДК 94(47).084.3

Р.В. ОПЛАКАНСКАЯ

ПЛЕННЫЕ 5-Й ПОЛЬСКОЙ СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ В МИНУСИНСКОМ УЕЗДЕ В НАЧАЛЕ 1920-х гг.

канд. ист. наук,
Хакасский государственный университет
им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан
e-mail: roplakanska@mail.ru

В статье дается характеристика группы пленных 5-й Польской стрелковой дивизии, проживавших в начале 1920-х гг. в Минусинском уезде. Группу польских пленных отличала социально-культурная и политическая неоднородность, обусловленная их принадлежностью до Первой мировой войны к трем странам – Австро-Венгрии, Германии и Российской империи. Анализируются образовательный уровень, социально-профессиональный статус представителей группы, использование их труда в хозяйстве региона.

Ключевые слова: Гражданская война в Сибири, Белое движение, иностранная интервенция, 5-я Польская стрелковая дивизия.

5-я Польская стрелковая дивизия была самым крупным после Чехословацкого корпуса иностранным военным формированием в Сибири, принявшим участие в Гражданской войне на стороне Белого движения. Ее организация происходила в условиях стремительно разраставшегося конфликта внутри России – Гражданской войны. Восстановление независимости польского государства ускорило этот процесс. В течение 1918 г. под руководством «Польского военного комитета в России» создавались военные отряды, которые вошли в состав Чехословацкого корпуса, а в январе 1919 г. началось объединение отрядов в 5-ю Польскую стрелковую дивизию, завершившееся в мае того же года. Сформированная дивизия подчинялась командующему союзными войсками в Сибири генералу М. Жанену [1, с. 327–347]. В начале 1919 г.

численность дивизии составляла 6766 солдат и офицеров [2, с. 258], в апреле 1919 г. – 10 722 [3, с. 68], а в конце 1919 г. – 12 700 [4, с. 89].

Состав этого соединения отличался политической и социально-культурной неоднородностью, которая являлась следствием разделов Польши и развития польского этноса в составе трех государств – Российской империи, Австро-Венгрии и Германии [5, с. 277–284]. Неоднородный состав стал причиной различий в мотивации и целях участников этого военного формирования, в итоге предопределивших крушение его планов. Дивизия комплектовалась из нескольких групп поляков: военнопленных австро-венгерской и германской армий, бывших подданных Российской империи – военнослужащих царской армии и представителей гражданского населения Сибири, перешедших в 1919 г. в

польское гражданство. По данным исследователей, большую часть 5-й дивизии составили военнопленные Первой мировой войны – до 90 % рядовых и 70 % офицеров [4, с. 89].

Военнопленные Первой мировой войны вступали в дивизию неохотно. Многим не нравился союз с Белым движением, поскольку среди военнослужащих 5-й дивизии были популярны социалистические идеи. После того как возрожденное польское государство получило международное признание, у части поляков пропало желание воевать на территории другой страны и защищать чужие интересы. Бывший военнослужащий 5-й Польской стрелковой дивизии Станислав Богданович так отзывался о сторонниках Белого движения: «Они боялись фронта и предпочитали ждать, когда же мы – поляки, чехи, сербы и другие народы, нередко враги России – пойдем брать города, а они будут там управлять за нашими спинами» [6, с. 32]. Падению боевого духа военнопленных «австрияков» и «германцев» способствовали и усталость от бесконечной войны, и тоска по мирной жизни. Многие военнопленные успели обзавестись в Сибири семьями. С. Богданович писал о них: «Вытаскивали их из теплых крестьянских хат... Они злились, говоря, что им там было хорошо. Почти каждый имел вторую жену, которая взяла его из лагеря военнопленных на полные работы. ...Никто из них дома не имел такого достатка, как после плена у сибирской бабы...». С. Богданович отмечал, что среди «австрияков» встречались и те, кто не хотел расставаться с монограммами императора Франца-Иосифа на форме и припрятывали их на всякий случай [6, с. 23].

С бывшими российскими подданными ситуация выглядела иначе. Многие поляки вступали в дивизию, желая таким образом защищать интересы возрожденной Польши либо по причине негативного отношения к большевистскому режиму. С. Богданович вступил в дивизию, потому что «...войско польское имело целью организовать поляков, находящихся в Сибири, и пробиться к Польше с оружием в руках. Войско должно было сражаться с большевиками, а затем с немцами» [6]. Встречались и те, кто сочувствовал советской власти, а в дивизии скрывался от преследования колчаковцев. Неприязненное отношение легионеров к Белому движению использовали сторонники советской власти («засланные из Москвы коммунисты»), получившие возможность вступить в дивизию на основании получения польского гражданства и таким образом осуществлять большевистскую пропаганду. Представители колчаковской власти предупреждали генерала М. Жанена о наличии среди польских солдат приверженцев левой идеологии [1, с. 333].

Драматично сложилась судьба польских военнопленных. Во время сложной эвакуации на восток большинство офицеров и солдат 5-й Польской стрелковой дивизии попали в окружение большевиков и капитулировали у станции Клюквенная. Удалось избежать плена и добраться до Польши группе числен-

ностью около 1000 чел. (120 офицеров и 800 солдат), возглавляемой полковником К. Румшей [4, с. 91]. В Сибири из пленных польской дивизии была сформирована Енисейская рабочая бригада, которая привлекалась на работы в рамках всеобщей трудовой повинности [7, с. 56].

Последующая судьба пленных участников формирования нашла отражение в материалах региональных архивов. В частности, в фондах архива г. Минусинска хранятся именные списки пленных 5-й Польской стрелковой дивизии (всего 418 чел.), отбывавших трудовую повинность на предприятиях Минусинского уезда. Именные списки содержат сведения биографического характера: подданство до Первой мировой войны; социальное происхождение, образование и профессия; статус в дивизии; возраст, семейное положение, состояние здоровья; партийность; режим содержания¹.

Пленные 5-й Польской стрелковой дивизии рассматриваются нами как особая социальная группа. Поскольку эта группа не имела иных отличительных черт, кроме места пребывания в плену в Минусинском уезде, ее характеристика может быть гипотетически распространена на все военное формирование в целом.

В группу пленных, находившихся на территории Минусинского уезда, входили военнопленные австро-венгерской и германской армий и бывшие подданные России. Численно преобладали военнопленные: 64,6 % (270 чел.) «австрияков» и «германцев» и 35,4 % (148 чел.) «россиян»². 195 поляков (46,6%) происходили из австрийской Галиции. 125 человек (29,9 %) ранее проживали на территориях Российской империи, отошедших к Польше в 1921 г. (Варшавская, Виленская, Гродненская, Люблинская, Ломжинская, Петроковская, Калишская губернии). Среди них наибольшую группу составили жители Варшавской губернии – 46 чел. (11 %). Только трое указали, что проживали прежде на территориях собственно России: А.Л. Багинский – г. Томск; В.М. Миллер – Акмолинскую область; В.Ф. Верхович – г. Петроград³. Указанные пленными сведения могли быть недостоверными. С. Богданович вспоминал, что, находясь в плену, скрывал факт рождения в Сибири, сведения о семье (у родителей было имение) и образовании (до вступления в дивизию учился в гимназии): «Соврал, чтобы большевики не преследовали родителей, которые проживали около Челябинска... Боялся, что могут меня, как постоянно

¹ Архив г. Минусинска. Ф. Р-25 (Минусинский уездный Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его исполком). Оп. 1. Д. 3 (Регистрационные карточки бывших политссыльных и беженцев); Оп. 1. Д. 9 (Регистрационные карточки и списки бывших военнопленных поляков); Оп. 1. Д. 545 (Список военнопленных поляков, принимавших участие в гражданской войне на стороне белых армий).

² Здесь и далее подсчитано по двум именованным спискам пленных поляков: Архив г. Минусинска. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 545. 15 л.; Оп. 1. Д. 9. 137 л.

³ Там же. Оп. 1. Д. 9. Л. 89–91; Оп. 1. Д. 545. Л. 3–4 об.

проживающего в Сибири, мобилизовать в большевистскую армию» [6, с. 50]. Возможно, что таким образом поступили и другие пленные.

В списке пленных 5-й дивизии в Минусинском уезде числились члены РКП(б) и ППС (Польская социалистическая партия). Доля их была незначительна – всего 2,4 % (10 чел.). Из них трое являлись выходцами из Галиции, а семеро – из России⁴.

Сравнительный анализ данных о социальном происхождении, уровне образования и профессиональной деятельности до Первой мировой войны пленных 5-й польской дивизии в Минусинском уезде подтверждает социально-культурную и политическую неоднородность группы по признаку подданства. Почти половина пленных в графе «бывшее сословие» указали о себе – «гражданин» (195 чел., или 46,6 %). Ими назвались военнопленные австро-венгерской и германской армий. Такая социальная идентификация может свидетельствовать об идеологических ориентирах пленных и их готовности к восприятию большевистской пропаганды. После «граждан» наибольшую группу среди пленных 5-й польской дивизии составили бывшие мещане (97 чел., или 23,2 %) и крестьяне (58 чел., или 13,9 %). В действительности лиц, относившихся до войны к сословию крестьян, было больше. По данным именных списков до Первой мировой войны в сфере сельского хозяйства было занято свыше 30 % (84 чел.) бывших подданных Австро-Венгрии и Германии.

Доля дворян среди пленных 5-й польской дивизии – 10,3 % (43 чел.). Из них только двое были «австрияками» – граф А. Дунин-Ожаровский и Т. Домбровский из Галиции⁵. Остальные пленные дворянского происхождения родились в Российской империи. Таким образом, среди группы «россиян» доля дворян составила 27,7 %, а среди «австрияков» и «германцев» – 0,7 %.

Среди бывших подданных Австро-Венгрии и Германии преобладали лица с начальным образованием (186 чел., или 68,9 %). В основном это были крестьяне и мещане, обучавшиеся в сельских и народных училищах. В группе «россиян» доля лиц с высшим образованием была больше в 2,5 раза (18 чел., или 12,2 %, среди «австрияков» и «германцев» – 13 чел., или 4,8 %); со средним и средним специальным образованием – в 4,3 раза («россиян» – 68 чел., или 45,9 %, «австрияков» и «германцев» – 29 чел., или 10,7 %). В 1,4 раза реже среди «россиян» встречались малограмотные и неграмотные (14 чел., или 9,46 %, в группе «австрияков» и «германцев» – 36 чел., 13,3 %).

⁴ П.П. Ней – Бржезинский уезд, член ППС; Л.Ф. Пиотровский – г. Варшава, член ППС; Я.С. Кульмачевский – Гродненская губ., член РКП(б); В.И. Блachesвич – Виленская губ., член РКП(б); Я.В. Кулита – Херсонская губ., член РКП(б); А.И. Матусевич – г. Суwalkи, член РКП(б); С.И. Окуневич – г. Вильно, член РКП(б); В.В. Садловский – Галиция, член РКП(б); А.Н. Иванишин – Галиция, член РКП(б); Ф.А. Соловский – Галиция, член РКП(б) // Архив г. Минусинска. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 545. Л. 4 об.-5, 6 об.-7, 8 об.-9, 9 об.-10, 11 об.-12, 14 об.-15.

⁵ Там же. Л. 1, 3 об.-4.

Среди выходцев из Австро-Венгрии и Германии преобладающее большинство имели рабочие специальности – их было больше в 2 раза (124 чел., или 45,9 %), чем «россиян» (33 чел., или 22,3 %); лиц, занятых прежде в сельском хозяйстве («хлебопашцев»), – в 5 раз больше (84 чел., или 31,1 %), чем «россиян» (9 чел., или 6,1 %). В группе российских поляков оказалось больше представителей интеллектуальных профессий: инженерно-технических работников – в 25 раз (14 чел., или 9,46 %, у «австрияков» и «германцев» – 1 чел., или 0,37 %); чиновников – в 3,6 раз (2 чел., или 1,35 %, среди «австрияков» и «германцев» – 1 чел.); специалистов в сфере медицины и ветеринарии – в 5,5 раз (3 чел., или 2,03 %, среди «австрияков» и «германцев» – 1 чел.); агрономии и полеводства – в 11 раз (6 чел., или 4,05 %, военнопленных – 1 чел.); в области финансов – в 9 раз (5 чел., или 3,4 %, военнопленных – 1 чел.). Среди «россиян» был даже театральный антрепренер – С.Ш. Карась⁶. Все 8 профессиональных военных из списка пленных 5-й польской дивизии тоже были «россиянами». В группе бывших подданных Австро-Венгрии и Германии интеллектуальные профессии представлены учителями (5 чел.) и одним ученым из Кракова (С.Э. Тройнарский)⁷. Среди «россиян» оказался только один учитель (Г.Н. Богуславский)⁸, а научных работников не было. Доля людей, занятых до Первой мировой войны в сфере услуг (портные, повара, сапожники и пр.), была одинаковой – чуть более 7 % (11 «россиян» и 21 военнопленный).

Наибольшие по численности возрастные группы составили мужчины от 21 до 30 лет (151 чел., или 36,1 %) и от 31 до 40 лет (166 чел., или 39,7 %), в целом 317 чел., или 75,8 %. Средний возраст – 34,15 лет. Среди пленных были мужчины непризывного возраста. 63-летний дворянин из Варшавы М.Ю. Миллер вступил в дивизию вместе с сыном. В его регистрационной карточке отмечено – «отец польского офицера». В дивизии М.Ю. Миллер находился на нестроевой службе («завхоз отряда») ⁹. Можно отметить и совершенно уникальный случай. В списке пленных числился дворянин Радомской губернии А. Райчакевич, который был сослан в Сибирь за участие в восстании 1863 г. В возрасте 80 лет он вступил в дивизию рядовым и являлся эмиссаром Польского военного комитета по Минусинскому уезду¹⁰.

По заключению медицинской комиссии, 347 пленных (83 %) по состоянию на 1920 г. были признаны здоровыми, 18 чел. (4,3 %) – инвалидами.

Сведения о возрасте и состоянии здоровья пленных говорят о том, что эта группа как нельзя лучше подходила для работы на значимых для Минусинского

⁶ Там же. Л. 1.

⁷ М.Я. Лодзинский, Я.П. Лясота, Я.Ю. Ржман, В.Я. Струзик, Т.Ф. Швейцер // Архив г. Минусинска. Ф. Р-25. Оп. 1. Д. 545. Л. 7 об.-8, 9 об.-10, 10 об.-11, 13 об.-14.

⁸ Там же. Л. 11 об.-12.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Оп. 1. Д. 9. Л. 51–53.

уезда предприятиях. Проходившие в течение предыдущих нескольких лет мобилизации в армию актуализировали проблему восстановления трудовых ресурсов уезда. Пленные польской дивизии Минусинского уезда вошли в 4-ю Сибирскую военно-трудовую бригаду¹¹. Подавляющая часть польских пленных была занята на горнодобывающих предприятиях – руднике «Юлия» и Черногорских угольных копях (30 и 203 чел. соответственно, или 55,74% в целом), а также на Абаканском заводе (54 чел., или 12,9 %). 70 пленных (16,75 %) были трудоустроены с учетом их образования и профессиональной деятельности до войны: в уземотделе – 11 чел.; в уздравотделе – 6; на преподавательской работе – 5; в коммунальном хозяйстве – 3, в сфере общепита – 2 и т.п. Не были заняты в экономике только 5 чел. (1,2 %) – 3 по неизвестным причинам, а 2 находились под арестом за антисоветскую деятельность (И. Яницкий и А. Рихтер)¹².

Социальные характеристики группы пленных 5-й Польской стрелковой дивизии в Минусинском уезде позволяют сделать ряд выводов. Группа пленных поляков была неоднородной с учетом таких критериев, как подданство до Первой мировой войны, социальное происхождение, образование, профессиональные навыки. Российских поляков отличали более значимые социальные характеристики. В этой группе была выше доля представителей дворянства и интеллигенции, что в целом оказалось характерно для 5-й Польской стрелковой дивизии [4, с. 89], лиц с высшим и средним образованием, а также рабочих с высокой профессиональной квалификацией. Бывших подданных Австро-Венгрии и Германии в основной массе представляли лица, до войны занятые в сфере сельского хозяйства («хлебопашцы»), а также рабочие, преимущественно неквалифицированные. Уровень образования «австрияков» и «германцев» был ниже, чем у «россиян», что не могло не отразиться на их политическом мировоззрении. Можно утверждать, что группа российских поляков обладала более зрелым политическим сознанием, в то время как большинство бывших подданных Австро-Венгрии и Германии

отличалось индифферентным отношением к происходящим событиям.

Потенциал группы пленных польской дивизии использовался в соответствии с нуждами хозяйства Минусинского уезда.

Остается открытым ряд вопросов. Например, каким в целом было соотношение в 5-й Польской стрелковой дивизии бывших подданных России, с одной стороны, Австро-Венгрии и Германии – с другой. В исследуемой группе соотношение составило 1 к 3 (35 и 65 % соответственно), в то время как в работах, посвященных 5-й Польской стрелковой дивизии, указывается, что военнопленные австрийской и германской армий доминировали (до 90 %). Остается невыясненным вопрос о дальнейшей судьбе польских пленных: смогли ли они воспользоваться правом отъезда на историческую родину после завершения советско-польской войны 1920 г., каким был механизм репатриации и что ожидало тех, кто остался на постоянное жительство в Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Нам И.В.* Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009.
2. *Клеванский А.Х.* Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1965.
3. *Wisniewski J.* Poslowie do: S.Bogdanowicz Ochotnik // Karta. Kwartalnik historyczny. 2005. № 44.
4. *Островский Л.К.* Польские военные в Сибири (1904–1920 гг.) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2008. № 316. С. 88–92.
5. *Neja J.* Charakterystyka Środowiska V diwizji strzelców polskich na Syberii // Syberia w historii i kulturze narodu polskiego. Wydawnictwo Silesia Dolnośląskiego Towarzystwa Społeczno-Kulturalnego. Wrocław, 1998.
6. *Bogdanowicz S.* Ochotnik // Karta. Kwartalnik historyczny. 2005. № 44.
7. *Нам И.В.* Польские войска в Сибири // Поляки в Сибири. Поляки о Сибири: материалы I Междунар. науч. конф. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2010.

Статья поступила
в редакцию 15.03.2013

¹¹ Там же. Д. 545. Л. 4 об.–14.

¹² Там же. Л. 14 об.–15.